

ГЛАВА 10

Петр стоял перед дверью маминой квартиры, вспоминая, куда положил ключи. Ключей он не находил: ни в карманах, ни в рюкзаке. Видимо, они выпали из брюк, когда он был у Маши. Он повернул ручку в надежде, что мама, как это часто бывало раньше, забыла запереть дверь. Так и оказалось — дверь была не заперта.

Петр перешел порог, споткнулся о веревку. Почувствовал резкую боль в области ключицы, из маленькой раны потекла кровь. В этот момент Петр прямо перед собой увидел разинутую пасть чудовища. Поняв, что это какие-то шаманские штучки, он бросил в пасть зверя висевшую над дверью подкову. Дверь захлопнулась, чудовище исчезло. Петр почувствовал слабость.

— Черт, что это за хрень? — молодой человек увидел медведя, который прошел по коридору на кухню.

Почувствовав сильную жажду, с полки возле двери он взял бутылку с яблочным соком. Открыл крышку, уже собрался пить, как в голове услышал голос Человека в капюшоне.

— Не пей. Это моча с опасным ядом, снадобье, которое поразит тебя слепотой, так что остаток жизни ты будешь бродить во тьме.

Из кухни вышел Георгий, держа в руках маленький лук-самострел.

— Он сделан из останков погибшего на войне бойца. Легкие самострелы не могут убить, они применяются для

определения величины шамана. Хотел посмотреть, насколько велик твой дар. Ты очень силен. Но я тоже обладаю огромной силой.

— Где мама? Что ты с ней сделал?

— Ничего. Она просто спит в соседней комнате, проспит до утра, а утром встанет, свежая и отдохнувшая.

Петр побежал в спальню и увидел маму, мирно спящую на кровати.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он Георгия с раздражением.

— Хочу, чтобы ты сделал правильный выбор. Темные шаманы сильнее светлых. Если ты будешь со мной, мы вместе многое сможем. Я обладаю разными умениями, которые тебе пригодятся.

— Почему я должен тебе верить?

— Смотри.

Георгий вял из сахарницы кусок сахара-рафинада, положил себе на правую ладонь, уставился на нее, сконцентрировал свою силу, подул, сахар исчез. Потом он выставил левую ладонь, пристально на нее смотрел несколько секунд, и кусочек сахара появился на ней.

— Забавно. Не знал, что ты фокусами промышляешь. Ты еще ложку взглядом согни для полного эффекта! — иронизировал Петр.

Георгий, не поняв до конца шутку Петра, вытащил из кармана амулет с человеком-рыбой, положил на стол.

— Кажется, ты что-то потерял в лаборатории. Но оно без тебя не работает, я пробовал.

— Как ты это украл у меня, мы же вообще с тобой не виделись с того самого дня, когда встретились в больнице, чтобы меня подкупить?

— Я ничего не крал у тебя, ты забыл это на столе в лаборатории. Амулет мне отдал охранник, а ему принесла уборщица. Я было уже обрадовался, такой предмет силы мне бы сейчас пригодился. Но вот незадача, без тебя это просто ста-

рый сувенир. Ты в курсе, что ты можешь перевернуть мир, пользуясь этой штукой?

— Я не хочу переворачивать мир, он и без меня с этим неплохо справляется.

— Что ж ты такой упрямый? Я тоже таким был в молодости. Ну да ладно, это даже хорошо — многого добьешься. Хоть один из отпрысков удался, второй оказался тряпкой.

Не переводя взгляда, Георгий внезапно бросил в Петра амулет. Петр поймал его на лету. Черный шаман набросился на него, и они, вцепившись друг в друга, начали кататься по полу.

— Дерись, покажи на что ты способен! — хрипел Георгий.

Петр отвечал на удары. Еще и еще, но тот уклонялся. В драке Петр понял, что Георгий сильнее, чем могло показаться по его внешнему виду: сухой пожилой мужчина невысокого роста. Неточное движение Петра, и Георгий его обездвигил, связав материализовавшимися из ниоткуда веревками. Сел рядом. Петр пытается высвободиться.

— У тебя не получится. Это магические веревки. Правда, ты можешь применить свой природный шаманский дар, которым ты пользоваться почему-то не хочешь. Хоть Виктор и старался над тобой. Он плохой учитель, видимо. Я научу тебя лучше.

— Вы что, заодно? — отдышавшись, с ненавистью спрашивает Петр.

— В каком-то смысле да. Так что? Рассказать, зачем тебе переходить на сторону темных?

Петр не ответил.

— Хочешь собственный остров в океане? А может нобелевскую премию по химии? Будешь самым молодым номинантом. Ну же? Ты же тщеславный, считаешь себя лучше других! Может быть, это и так: ты лучше других. Я тебе помогу.

Петр молчал, пытаясь сосредоточиться, чтобы сбросить магические веревки.

— И ты же ищешь свободы. Белые тебе не дадут ее с их вечными правилами и сплошным лицемерием. Только в темном мире тебя ждет свобода, ты можешь быть самим собой без оглядки на всяких в капюшонах. Свобода, за которой ты гоняешься безуспешно уже 4 тысячи лет. Дуду не был свободен, а Шарумкен был. Кто теперь знает об этом Дуду? А о Шарумкене пишут до сих пор. Я свободен, а ты нет. Пока не свободен.

— Не заливай про свободу. У тебя тоже ее нет. Ты служишь тьме.

— Я не служу ей, у нас, как это модно сейчас говорить, коллаборация.

— Я знаю, чем за твою коллаборацию платят невинные люди, такие, как Элеонора, Офелия, Андрей и тысячи других.

— Эти идиоты сами виноваты в своих страданиях. Ах, да, ты ж у нас добренький, моральный. Так вот, если ты оставишь все, как есть, пострадает много людей. Мы с тобой при желании можем закончить спецоперацию в Соседней Стране, хочешь? Хочешь помочь тысячам маленьких девочек и мальчиков?

Перед глазами Петра появляются образы, в которых он видит раненых и убитых детей, детей, зовущих маму, детей, лишившихся рук и ставших инвалидами.

— Видел? Это все происходит прямо сейчас! И ни один белый не может это остановить. А что если это началось не без их участия?

Ужасные кровавые картины перед глазами Петра сменяют одна другую.

— Прекрати мне это показывать! И что я должен делать, как я должен перейти на твою сторону?

— Я не чувствую в твоём поле энергии согласия. Что ж, я тебе еще покажу, что ждет твоих друзей.

Петр видит на экране перед собой Элеонору и Андрея, они одеты в военную форму Соседней Страны. Происходит

взрыв. Ударной волной их отбрасывает, сотни осколков разлетаются в разные стороны и изрешечивают их тела. Петр видит лицо Эллы, окровавленное, с застывшим стеклянным взглядом. Андрея, лежащего недалеко от нее, с оторванными конечностями, лицом, искаженным болью.

— Это то, что ждет твоих друзей. Но ты можешь все исправить.

— Ерунда. Они не могут быть бойцами Соседней Страны. Они сейчас в Городе и не собираются воевать.

— Жизнь так устроена, что в ней случаются удивительные вещи. Это то, что ждет твоих друзей, поверь мне. Они сами выбрали эту линию судьбы, таков их контракт. Белые шаманы не могут повлиять на контракты душ других людей, а черные могут. Пока еще не поздно!

Петр, который все это время пытался использовать энергию колеса, чтобы прокрутить магические веревки с красного сектора на черный, где они гниют и не держат, высвободился. И, сосредоточившись на энергии перехода из зеленого маленького круга в центре в большой синий вонне, вмазал Георгию так, что тот отлетел на несколько метров.

Георгий встает, вытирает кровь с уголка рта.

— О, сынок, ды ты уже кое-что можешь. Молодец. Чему-то тебя Виктор научил. Я научу больше.

В его руке образовался огненный шар, который он пускает в Петра. Тот отклоняется, и шар разбивает окно. Стекла разлетаются на мелкие осколки.

— А твоей матери все же стоило поставить пластиковый стеклопакет. Но она всегда была душой!

Петр набрасывается на Георгия с ножом для разделки мяса, который сушился на мойке. Нож начинает светиться красным светом. В два прыжка молодой человек оказывается на Георгии, обездвигивает его, приставляет нож к горлу. Нож продолжает переливаться красными токами.

— Я не боюсь тебя, слышишь!

— Тогда убей меня, чего ты медлишь?

— Нет, сукин сын. Живи в аду на земле и смотри на свои мерзкие дела. И не смей трогать моих близких. Понял?

— Хорошо ли это, сын мой, что ты отпускаешь меня? Убей меня, и ты станешь одним из самых мощных темных шаманов. Обмажь меня тем снадобьем, что ты хотел выпить, а затем убей ножом.

— Нет, мне достаточно, что ты уже никогда не сможешь жить так, как прежде, зная, что есть я. Ты все время будешь дрожать, как теперь. Пошел вон отсюда.

Петр встал с него, нож перестал светиться. Георгий поднялся, отряхнулся, молча подошел к двери, вышел за порог, закрыл дверь с обратной стороны.

Сев в машину, он даже не удивился, когда обнаружил, что с заднего ряда сидений на него смотрит Человек в коричневом капюшоне.

— Давно же мы не виделись, — сказало существо.

— Да, прошло уже 27 лет. Я сделал все, как надо. Но пошло не по плану.

— Это был план А. Есть еще и план Б. Я вас ни в коем случае ни к чему не принуждаю, можете оставить все это дело. Но если хотите победить в этой битве, то нужно убить Виктора.

— Это ваш план Б? Я сделаю это с удовольствием. Надо все подготовить.

— Боюсь, Большие долго ждать не смогут. Мы и так провалили все сроки. Все должно произойти сегодня, пока Петру в этой жизни не исполнилось 27 лет. Завтра уже будет поздно.

— Что я должен делать? И как смерть Виктора может помочь раскрыть сущность Петра, перетянуть на нашу сторону?

— Ты же в курсе, что в его земном теле два отцовских ДНК: твое и Виктора? Так вот, условия игры таковы, что тело влияет на то, что происходит с душой. Влияние Виктора биологически такое же сильное, как и твое. Надо уничто-

жить его, так ты сможешь душе Петра исполнить свой контракт. Делать надо следующее: поставь самострел на выходе из роддома, где сейчас дежурит Виктор, вымани Виктора оттуда. Если самострел его не убьет, то весьма ослабит. И когда ты с ним начнешь драться, его силы будут уступать твоим.

— Хорошо.

Гергий оглянулся назад. На заднем сидении никого не было. Он взял телефон, написал сообщение: «Пришло время финальной битвы. Жду тебя ровно в полночь на левом берегу Большой Реки, координаты прилагаю».

***

«Пришло время финальной битвы. Жду тебя ровно в полночь на левом берегу Большой Реки, координаты прилагаю», — прочитал Виктор, сделав вечерний обход рожениц в своем отделении. У него не было никакого желания биться с этим придурком. Имелись дела поважнее. Нужно сначала обучить Петра всему, что он знает сам.

«Я не принимаю твой вызов. Всех благ, Гоги». И только он собрался нажать на кнопку «отправить», как увидел перед собой Человека в коричневом капюшоне.

— Вы? Чем обязан честью?

— Ты знаешь, что Георгий только что чуть не убил Петра?

— Нет. Странно, почему я ничего не почувствовал?

— Да, это действительно странно. Неужели ты начинаешь терять свой дар?

— Может, он переходит Петру?

— Нет. Тут что-то другое. Но ты должен помочь своему сыну выиграть битву с темным миром. Без тебя он не справится.

— Что я могу сделать?

— Убить темного шамана Георгия. В Петре два ваших ДНК, это раздирает его между темными и светлыми. Это ослабляет его. Он должен перейти на нашу сторону. Темный

шаман сделал тебе вызов, прими его! Ты же знаешь, мы на твоей стороне. Мы поможем тебе. Убить этого шакала не составит труда. Ты действуешь по правилам. Пришло время платить по счетам. Только нужно Петра во время вашей битвы поместить в место силы, коим для тебя является этот роддом.

— Я все понял. Сейчас позвоню ему. — сказал Виктор и отправил Георгию сообщение «Вызов принят».

Человек в коричневом капюшоне исчез, а Виктор в окно увидел огонь, медленно поднимающийся в небо. Он набрал Петра:

— Сынок. Ты в порядке?

— Уже да, — ответили на той стороне.

— Тебе угрожает опасность. Приходи ко мне в роддом. Тут ты должен побыть до утра, пока я не вернусь.

— А ты куда собрался?

— Да есть одно дело к Георгию. Приходи, жду.

Когда Петр пришел в родильное отделение Центральной городской больницы, Виктор уже был в полной готовности. В руках он держал боевой чемоданчик, где находились атрибуты шамана, а также посох, который, как позже узнал Петр, был сделан из полового органа моржа.

В дверь постучали. В ординаторскую зашел молодой человек.

— Это Артур, ординатор. Если что случится, кто-то начнет рожать, он знает, что делать. А мне надо торопиться. Дождись меня.

— А я не пустой пришел, — радостно возвестил Артур. — Благодарные родственники роженицы подогнали.

И он достал из пакета бутылку дорогого коньяка и коробку конфет.

— Ты тут поаккуратней. А то вдруг придется роды принимать. Хотя вряд ли. Я сделал обход, рожать никто пока не планирует. Надеюсь вернусь быстро. — прокомментировал Виктор.

Когда он ушел, Артур достал из шкафчика две рюмки, налил и протянул рюмку Петру.

— Ну, за знакомство! — и опрокинул коньяк в глотку.

— Я сегодня не буду. У меня был тяжелый день. Я лучше почитаю.

— А что тут читать? Тут только руководства по родовспоможению и гинекологии. Поверь, это не заменит порно, — он засмеялся. — Я тогда сам расслаблюсь.

Артур явно хотел расслабиться по полной. Он выпил уже половину бутылки, развлекая Петра байками из своей врачебной и студенческой жизни.

— Ты знаешь, как тебе повезло с бате́й! Он такой крутой! Мы про него легенды слагаем. Я вот даже стишок сочинил. Хочешь послушать?

Петр кивнул. Артур порылся в своем рюкзаке, достал тетрадный лист, исписанный мелким почерком, и уже прилично заплетающимся языком начал декламировать:

Баллада об акушере-гинекологе.

Жил на свете добрый малый —
То ли врач, то ли шаман.
Акушер был, гинеколог,
Первым он детей встречал.
В городском родильном доме
Он работал, жил и спал,
И три раза на неделе
На дежурство заступал.
И хоть был он матершинник,
На работе выпить мог,
Становился все сильнее
К нему рожениц поток.
У него рожали даже,
Если как-то не моглось
У других врачей хороших,
У него же родилось!
Вот бывает: лезет малый

Попой, а не головой —
Наш шаман все там поправит —
Вылезет малой живой.
Ручки, ножки, глазки, ушки
Осмотрел, благословил.
По Апгару 10 баллов
У него любой ловил.
Заступая на дежурство,
Брал шаманский реквизит:
Небольшой шаманский посох,
Он на поясе висит.
Получил он тот давненько,
Когда шел учиться в мед —
Х*й моржовый нех*ровый
Дал ему в подарок дед.
Дед по маме был шаманом,
Тоже он людей лечил,
Травами да заклинаньем.
Сильным он шаманом слыл!
Х*й моржовый — мощь и сила!
В нем защита — потряси!
Он энергию здоровья
Собирает на оси.
В общем много нашаманил
Доктор городу детей.
На тот свет он отправлялся,
С договором до чертей.
Если духи вдруг хотели
Жизнь младенца отобрать,
С ними мог договориться
И младенца отшептать.
Выпил, богу помолился
Про того, что не жилец,
С Нижним он договорился —
Отпустили наконец.
Но, а если так случилось,

И судьбою смерть была,
Он не спорил с Духом Смерти,
Он вниманье отдавал.
Что за чудо, этот доктор?
В чем его суперталант?
Настоящий гинеколог,
Он всегда, друзья, шаман!

— Ну, за Виктора!

Артур выпил еще одну рюмку, потом еще и еще. Пока бутылка не закончилась.

— О, уже почти 12, — сказал он, — надо баиньки. А то завтра на обход в 6.30 вставать. А ты че, спать не будешь?

— Да я Виктора дождусь.

— Окей. Только я верхний свет выключу. Там лампа на столе есть, ей пока пользуйся. Ты если че там, буди меня. Упал на диван и через пару минут захрапел.

***

В это время Виктор уже был на левом берегу Большой Реки. Там его поджидал Георгий, в месте, где вода стекает в преисподнюю и где встречаются потоки темных и светлых сил.

Самострел, поставленный Георгием, чтобы ослабить Виктора, не сработал. Когда тот выходил из больницы и шел по тропинке к калитке, которая вела через задний двор на улицу, он прошел всего в миллиметре от веревки, растянутой темным шаманом. Самострелы Георгий готовил заранее, делая их с любовью, не торопясь. Это было его хобби.

В самострел вместо лука была встроена энергия молодого бойца. Благо, таких сейчас имелось достаточно — любой солдат, стрелявший и попавший, подходил. Для этого лука шаман выбрал мощного парня под два метра ростом, который служил в странной армии, принимал участие в спецоперациях.

перации на территории Соседней Страны, и в тот момент готовился к обстрелу войск Соседней Армии. Молод, горяч, кровь с молоком — то, что нужно для лука. Стрелой служил другой молодой человек, который по сущности своей был прекрасным резонатором, он чувствовал эмоции других людей и хорошо ориентировался в коллективе, знал, кому, что и когда сказать. Обязательным условием было то, что части самострела уже убивали. У таких есть проходы в нижние миры. Именно это и нужно было Георгию. Тетивой стала женщина средних лет. Тут ему подошла Ольга, руководитель лаборатории, наша старая знакомая. Она убила кучу мышей и других подопытных животных. У убийства людей, конечно, больше энергии. Но можно взять и количеством. Курок делался из молодой женщины. Это была очередная любовница Георгия, которой еще даже 25 лет не исполнилось. Та сделала уже несколько аборт, а это энергетически тоже убийство. Хорошо, что очень любила деньги. Это делало ее еще более уязвимой. Через деньги шаман сейчас и заполучил ее энергию. Всего для полного комплекта требовалось шесть человек. Еще двое — это его водитель, который отсидел за убийство в молодости, и партнер по бизнесу, причастный к парочке заказных. Обязательным условием были личные связи шамана с частями самострела.

Так как тайное оружие сооружалось на астральном плане, то сами «детали» даже и не подозревали, что их используют в подобном качестве. Привлекалась только их невидимая внешне энергия и жизненная сила. Правда, в случае промаха все они погибали. Поэтому Георгий редко пользовался таким самострелом: личные связи, да еще с людьми, которые убивали, были в его биографии хоть и не очень редки, но все же конечны.

Как и положено самострелу, он устанавливался на дорогах, по которым ходил противник. Еще и поэтому было важно выманить Виктора из роддома, на выходе из которого он специально натянул поперек тропинки бечевку. Когда

Виктор выйдет и порвет эту веревку, самострел сработает, и он будет поражен. Это, скорее всего, не убьет шамана такого масштаба, но точно ослабит. Нужно только выманить его из роддома, который для него был местом силы. Еще при настройке самострела, как и на обычной охоте, важно натянуть бечевку на высоте холки его тотемного животного. Веревку необходимо настроить надлежащим образом на «калибр» шамана. Обычные люди и маленькие шаманы просто бы прошмыгнули своим астральным телом через веревку, поскольку она для них слишком большая, не задев ее и ничего не почувствовав. А слишком великий перешагнул бы и не заметил.

Настроенные самострелы могли ждать сколько угодно долго, пока не происходил выстрел или их не разряжал сам хозяин. Если же хозяин умирал раньше, то самострелы так и оставались на дорогах во взведенном состоянии. Уцелевшие после давних шаманских войн самострелы караулят теперь уже случайную добычу, постепенно расстраиваясь и энергетически мельчая. Так что рано или поздно туда может попасть обычный человек. Тогда он заболевает, долго хворает, и, если не обращается к шаману, то в конце концов умирает. Такое случается нередко на дорогах обычных городских улиц.

Белым шаманам выставлять полевой самострел было нельзя. Это нарушало правило, которое запрещало нанесение ущерба, если ты не обороняешься. Игнорирование правила могло стать причиной лишения шаманской силы.

Для ответственного боя у Виктора, как и у любого сильного белого шамана, хранилось три стрелы, сделанные из костей тотемного животного, в данном случае из костей моржа. В энергетическом мире он хранил их в астральных ушах, которые слушали происходящее в горнем мире, и общались все своему хозяину. В реальном мире эти стрелы он держал в своем сундучке в шкафчике в ординаторской с другими важными аксессуарами, такими как, например,

посох, сделанный из окаменевшего полового органа моржа. Родильный дом был его стихией, он защищал его своими энергиями, был местом силы. Стрелы он хранил бережно, так как потеря стрел не возмещалась, и до сего момента пользовался ими только один раз, 27 лет назад, когда ушел из секты «Дети неба».

Виктор использовал ее против главного гуру секты. Он объяснял это себе тем, что у него не было другого выбора, если бы он не убил основателя секты, тот бы убил не только его, но и Галину, которая тогда вынашивала Петра.

Стрелы посылают в противника посредством лука, который шаман должен был сам себе смастерить. Лук у него тоже хранился в шкафу в ординаторской. При попадании в цель каждая стрела причиняет смерть. Но в равного себе или более сильного шамана Виктор никогда не стрелял, поэтому не знал, как он сработает, если стрелу пустить в Георгия, и каковы будут последствия. Но с собой он его прихватил.

Кроме стрел в арсенал Виктора входили маленькие треугольные железки, раньше их было 9, но теперь осталось только 4. Да, некоторые пришлось отдать на благое дело, ради хороших людей, которым угрожала опасность во время родов. Железки посылались в пасть тотемному животному, чтобы оно не смогло причинить смерть, насланную каким-то шаманом. Применялись они совместно со специальным магическим заклинанием, благодаря которому животное ощущало дикую жажду и проглатывало этот треугольник, не имея сил сопротивляться темной всепоглощающей жажде. Животные проглатывали металлические треугольники вместе со спрятанной внутри гибелью. Если умирало тотемное животное, то его хозяин лишался силы и своей высшей защиты.

Оба шамана обладали большой силой. В поединке, который им предстоял, они почти не участвовали физически, но участвовали их астральные тела и духи-помощни-

ки. У Виктора помощником был Морж, а у Георгия — Медведь.

Морж — очень древнее животное, появившееся миллионы лет назад. Северные народы почитали моржа как близкого родственника человека и делали ему подношения в виде молока, прежде чем отправиться на охоту. Бездонные глаза моржа, как ворота в другие измерения, открывают путь познания через глубины священной воды. Морж связан прежде всего с творческим течением, плавностью воды, эмоций и сновидений. В этом тотеме — безграничные созидательные энергии, которые оживляют сны, делают зыбкой границу между мирами, помогают найти божественное и применять это во внешнем мире.

Медведь — опасное и мощное животное, он многое дает своему хозяину, но и многого требует. Древние люди говорили о том, что шаманы, имеющие своим воплощением медведя, ненасытны, им всегда мало. Сколько бы не добывал шаман-человек, зверь не дает покоя своему хозяину.

Шаманы не выбирают тех животных, которые им служат, они сами приходят к своим двуногим двойникам.

***

Над рекой сгустились тучи. Гремел гром — надвигалась гроза.

Верхнюю часть туловища Виктор обмотал веревкой от гарпуна, но так, чтобы руки остались свободными, волосы скрутил в узел, высоко засучил рукава, сжал в зубах кусок кожи моржа и стал бормотать: «Морж, отец наш, помоги мне в бою, следуй везде за мной. Открой свои очи для великой битвы».

Его охватила ярость. Как настоящий морж, он рычал, хрюкал, лаял, свистел, скрежетал зубами, щелкал языком.

Когда Георгий в образе медведя приблизился к нему, морж схватил его и потащил в реку. Они боролись в реке. Ге-

оргий пытался вытащить Виктора на берег. Вода была не его стихией. Это ему все же удалось.

На берегу черный шаман ранил белого обычным ножом. После чего черный достал гнилушку, фигурку в форме человека, которую он сделал из кожи мертвеца. Прикоснувшись гнилушкой к кровоточащей на руке ране Виктора, поднял фигурку вверх и закричал:

— Я приношу этого человека, Виктора, белого шамана, тебе в жертву, Великий Молох.

После этих слов он обмотал гнилушку нитками и начал сечь фигурку тонким хлыстом, материализовавшимся из ниоткуда.

Виктор лежал, со связанными руками и ногами, кричал и не мог пошевелиться. А на его теле проявлялись следы от плети, которой Георгий стегал человека-мертвеца. Черный шаман бросил фигурку в огонь, и белый стал покрываться язвами. Когда он дополз до воды, упал в нее и, казалось, начал тонуть, вокруг послышался колокольный звон, от которого черный шаман начал глохнуть.

Виктор высвободился из пут Георгия, набросился на противника.

Мужичок, ловивший рыбу неподалеку, услышал рычание, хруст веток. В бою, судя по звукам, участвовало несколько разных животных. Он не мог понять, что за силы сцепились во тьме, но только видел, что двое, схватив друг друга за горло, катались по земле и яростно сражались. Приглядевшись, рыбак увидел страшную картину: морж борется с медведем.

— Еп твою мать, допился, старый. — произнес вслух очевидец странного боя, перекрестился и пустился наутек.

Шум борьбы около реки между тем стих. Но сражение не закончилось. Оно продолжалось на уровне непроявленной реальности. Это был бой в лабиринте.

Внешнее пространство замерло, а внутреннее дребезжало, еле сдерживаясь от того, чтобы не распасться.

Георгий и Виктор сейчас стояли на входе в лабиринт, каждый со своей стороны.

Два шамана: черный и белый — одновременно сделали каждый по шагу и вошли в лабиринт. За Георгием шел медведь, занимая собой все пространство узкого коридора, за Виктором полз морж, перебирая своими лапами. Эти двое бросили вызов друг другу. Каждый из них понимал, что началось главное испытание в их жизни.

Сложная система коридоров, комнат и переходов была такой запутанной, что без проводника практически невозможно было найти выход оттуда. Можно было туда не входить, но тогда это было бы признанием своего поражения.

Лабиринт был зеркальным. Георгий и Виктор видели свои многочисленные отражения и отражения отражений, и уже непонятно было, кто из каких Георгиев и Викторов проходят это испытание.

Они шли дальше. Свет погас. Воцарился абсолютный мрак, но иногда загорался свет, и шаманы в зеркалах видели не свои отражения, а других людей, в жизни которых они приняли участие.

Георгий положил руку на правую стену от входа в лабиринт. Шел и водил ею вдоль стены в качестве ориентира. Он двигался вперед, прочь от выхода, пока не наткнулся на тупик. И тут он увидел перед собой тех людей, которых он использовал для изготовления самострелов. За свою жизнь он сделал уже несколько десятков самострелов, поэтому жертв набралось немало — его орудия не всегда били точно в цель. Он видел моменты смертей каждого из них в зеркале, как будто это был фильм, поставленный на перемотку. Автомобильные катастрофы, смерть от скоростной болезни, ссоры с поножовщиной — все это было дело рук Георгия.

Медведь зарычал, а Георгий отправился дальше.

Через стену от него двигался Виктор. Он прижался к левой стене и шел вдоль нее через перекрестки и вокруг тупиков. Загорелся свет. Он увидел тупик. Дальше хода не было.

В зеркалах вокруг себя он видел месиво из зародышей человека на разных этапах развития. Нерожденные дети — результаты абортотворения, которые Виктор делал женщинам, решившимся не давать жизнь, зародившуюся внутри них.

Снаружи лабиринта пошел сильный ливень, его шум эхом раздавался в ушах, становясь невыносимым. Виктор инстинктивно закрыл уши руками и заорал, морж вторил ему.

Георгий понял, что пришел не туда, надо разворачиваться и искать другой выход. Чтобы не запутаться, он вытащил из кармана клубок с нитками, которые использовал для изготовления самострела. Ниток могло не хватить, он не знал, какого размера лабиринт, поэтому отрывал их маленькими кусочками и бросал на пол. Дошел до поворота. Рядом с одним из зеркал вспыхнул огонь, и Георгий увидел, как в зеркале показали мальчиков и девочек из бедных семей, которым он оплатил учебу в лучших вузах страны. Он учредил фонд для одаренных детей, и десятки ребят уже стали взрослыми. Зеркало разделилось на две части. С одной стороны оно показывало нынешнюю жизнь этих детей, которые уже выросли, стали учеными, спортсменами, инженерами, учителями, делая этот мир немного лучше. С другой стороны — то, что ждало бы этих детей, если бы они не пошли учиться: нищета, проституция, преступность. Эти выросшие уже люди смотрели на него, улыбались и говорили ему «спасибо».

Слева темный шаман увидел свет и завернул за угол, почувствовав, что выбрал нужное направление. Медведь одобритительно рыкнул.

Виктор тоже дошел до своего зеркала со знаком «+», где он увидел сотни детей, которые родились благодаря ему. Его всегда вызывали на самые сложные роды, на которые шаман непременно брал свой посох из органа моржа. И все получалось. Дело было, конечно, не только в посохе, но и в глубоком интуитивном ощущении, что и когда сделать, а также в синхронизации с духом Жизни.

Коридор наполнился зеленым светом, и Виктор свернул направо. Морж издал негромкий колокольный звон. У мужчины в кармане был красный мелок, которым он на доске дежурств отмечал отработанные дни. Он нарисовал крестик на полу лабиринта и пошел дальше.

В это время Георгий увидел в зеркале свою жену, мать Андрея, ее лицо было в синяках, за ней стояла Офелия с ножом в груди, за ними еще разные женщины, жизни которых испортил Георгий. Он буквально питался женщинами, они давали ему силы, поддерживали и возрождали его. У него не было раскаяния, это был его способ жить. Раздалась какофония женских голосов, среди которых он слышал некоторые фразы: «Ты убил меня», «Ты сделал меня тенью», «Я потеряла себя». Большая настенная лампа над зеркалом стала быстро мигать красным светом, зеркало со звоном треснуло, по нему пошла паутина осколков.

«Это тупик», — крутилось в голове Георгия. Он вернулся назад, чтобы найти другую комнату, через которую можно будет продолжать свой путь.

Виктор в небольшом расстоянии от Георгия вглядывался в зеркало, в котором сначала ничего не было, но потом появился немолодой уже человек в белом халате. Шаман узнал в нем бывшего главврача родильного отделения, которому Виктор помог сначала уйти из Центральной городской больницы, а потом из жизни. Он его не убивал, но при помощи своего дара поспособствовал тяжелому заболеванию, от которого мужчина быстро скончался. Виктор потом назначили главврачом. Но устранил он мужчину не потому, что хотел власти, а потому, что тот не только был коррупционером, но и принимал такие решения, которые довело родильное отделение почти до полного краха. Воровство процветало до такой степени, что иногда не находилось элементарных препаратов для рожениц. Виктор был уверен, что сделал тогда все правильно. Красный цвет продолжал мигать, бывший главврач в зеркале громко сме-

ялся, разинув рот, а потом исчез, и на зеркале опять ничего не отражалось. Морж повизгивал.

Георгий стоял в комнате, куда привел его медведь, он просто пропихнул его туда своей мордой. В зеркале появился символ научно-исследовательского института, который был основан стараниями Георгия. Там работали люди, получали хорошую зарплату и делали полезное дело. «Gen ↘↗». Институт со стороны напоминал хорошо слаженный муравейник, работающий, как часы. Власть и сила черного шамана помогли в чистом поле выстроить не только это здание, но и современный парк, самый красивый и уютный в городе.

Морж привел Виктора к зеркалу, в котором белый шаман разглядел родильное отделение, где он работал. Это было лучшее родильное отделение в городе, с хорошо подобранным и добросовестным персоналом. В зеркале начали светиться графики: отношение младенческом смертности к выжившим деткам, лучшие показатели не только в городе, но и в целом по стране. Не раз в его родильное отделение приезжали журналисты, чтобы осветить такой феномен. И, конечно, он никогда не рассказывал им о том, что во многом таких результатов ему помог добиться его шаманский дар.

Свет погас. В темноте Георгий уже не мог разобрать, куда ему нужно идти, был он тут или нет, он просто ходил, а медведь брел за ним. В одной из комнат свет опять включился, и в зеркалах он увидел сотни людей, задыхающихся, покрывающихся коростами, с распухшими ногами, синими язвами. На поверхности зеркала пульсировали разные химические форумы. Биооружие. Испытания. Что ж — необходимые для науки жертвы.

Миндалины черного шамана начали распухать, тело стало покрываться язвами. Он упал на пол, скорчившись, перекатылся от одной стены к другой, пока к нему не подошел медведь, чтобы вылизать его. Через какое-то время раны

начали проходить, воздуха стало хватать. Георгий полз дальше.

Он дополз до следующего зеркала, осветившегося огнем. Тут он увидел выздоравливающих. Вот сотни людей лежат под капельницами, а потом встают, ходят, живут. Формула вакцины от коронавируса, которую делали в его институте и которая спасла жизни тысячам людей, пульсировала и светилась, как новогодняя гирлянда.

— Сколько это может продолжаться? Что ты от меня хочешь? — крикнул он.

Но ответом ему было молчание.

Виктор тоже продолжал свой путь. В следующем зеркале он увидел лица людей, которые уже почти позабылись, лица, которые он регулярно видел 27 лет назад и которые принадлежали людям, бывшим когда-то его семьей. Вот Алена, а это Дмитрий. А это сам Алексей, глава секты «Дети неба». Он всех сдал. Кого-то посадили, кто-то отделался легким испугом. Секта — это плохо.

Сейчас эти люди смотрели на него злыми глазами, вытаскивая его душу. «Ты никого из нас не предупредил, ты всех сдал». «А я вообще умер в тюрьме», — прошипел Алексей. «Наши беды на твоей совести». «Да, — подумал Виктор, — можно было сделать все с меньшими жертвами, но я тогда был молод и боялся». «Ты хотел власти, поэтому ты это сделал», — услышал он из ниоткуда низкий голос, отражающийся от зеркал и звучащий как из стереоколонок.

Потом Виктор услышал еще один голос, более высокий, похожий на женский, но с нотками искусственности, как бывает, когда слушаешь аудиокниги, озвученные роботом: «Посмотри сюда». И перед ним появились разные люди в шаманских одеяниях. «Их всех ты обучал, благодаря тебе, они раскрыли свой дар» — продолжал голос.

Перед Виктором появилось зеркало с тысячами коридоров, в зеркале чьи-то губы шептали:

— Мир представляется читателю игрой теней в вечной пьесе повседневности Бога. Тень моих движений покоится на тени печатных страниц, тень чернил течет по тени бумаги.

Перед Георгием чья-то невидимая рука писала кровью на гладкой поверхности зеркала:

— Страх, боль, отвращение — это все способствует оттаиванию времени, создавая вселенский мусор, ненужную сущность. Корректоры убирают его, но с каждым днем мусора становится все больше. Мегатонны писательского мусора, через который читателю пробираться все сложнее. Если таких дел станет больше, то книга захлопнется.

Виктор и Георгий стояли спинами друг к другу, их темные животные смотрели вперед, готовые броситься. Оба обернулись. Посмотрели друг другу в глаза. Черные поглощали зеленые, растворяясь в них. Их взгляды, устремившиеся в вечность, слились в одно общее.

Во всех зеркалах темный и светлый увидели Петра, стоявшего к ним спиной и читавшего книгу. Изображение молодого человека повернулось, потом начало размываться. По зеркалу пошла рябь. Образ Петра, пульсируя, увеличивался, пока не остался один большой глаз, смотрящий на шаманов. Зрачок в глазу расширялся, в конце концов занимая все пространство в зеркалах, пространство, похожее на черную дыру, засасывающее материю.

— Большие? — прошептал Виктор.

— Мы увидели слишком много, — добавил Георгий.

— Петр — Большой?

— Теперь уже слишком поздно, мы уже причинили достаточно вреда друг другу.

— Мы никогда не покинем это место, мы навечно останемся здесь.

Раздался взрыв. Все зеркала разлетелись на тысячи миллионов осколков, застывших в небытие.

***

Петр стоял в ординаторской перед стеллажом, листал очередную учебник по родовспоможению, это начало увлекать его. В какой-то момент он почувствовал, что на него смотрят. Он прервал чтение, так как никак не мог отделаться от этого ощущения, которое буквально пригвоздило его к тому месту, где он стоял.

Раздался взрыв.

Звук падающей на кафель стеклянной посуды.

— Ой, разбила кружку. Теперь убирать надо, — услышал он женский голос в коридоре.

В ординаторской на диванчике спит пьяный Артур. Дверь в комнату приоткрыта.

Из соседней комнаты, где обычно отдыхают санитарки, раздается громкий голос:

— Че ты тут ходишь — будишь всех?

— Да живот сильно тянет, схватки чаще стали. К доктору бы мне. Кажется, я рожаю.

— Так тебе кажется или ты рожаешь?

— Откуда я знаю, — измученный и немного раздраженный голос женщины. — Это у меня первый раз. Живот болит.

— Понаедятся всякого, потом у них живот болит. Иди спи. Схватки ты ни с чем не перепутаешь.

— Может, мне все же доктора?

— Ладно, давай в смотровую, я сейчас доктора позову.

Девушка поплелась в конец коридора. А Петр услышал настойчивый стук в дверь.

— Доктор Рыбаков не вернулся? — спросила санитарка, пожилая женщина невысокого роста, похожая на тумбу.

— Нет.

— Плохо, там роженица на подходе. Скоро родит.

— Может, ей показалось? — с надеждой в голосе произнес Петр.

— Да какой показалось, я тех, кто вот-вот родит уже по одному виду узнаю. Работаю тут уже двадцать пять лет. А этот что? — показывает санитарка на спящего мертвецким сном ординатора Артура.

— Спит.

— Буди его. Иначе роды придется тебе принимать.

— Да вы что, я никогда этого не делал. Я вообще не врач. Я биолог.

Санитарка закрыла дверь и пошкандыбала в смотровую.

Петр попытался поднять Артура. Он тряс его, бил по щекам, брызгал водой. Но тот открывал глаза, буровил что-то непонятное и опять проваливался в сон. Ничего не помогало.

— Еп твою мать, Артур! Женщина рожает, вставай!

— А... че? Раскрытие... какое? — вроде бы сказал, что-то вразумительное.

— Да откуда я знаю, какое раскрытие.

— Два пальца, пусть спать идет. — сказал Артур и опять захрапел.

Петр понял, что этодохлый номер. Взял телефон, набрал Виктора, шли гудки, но трубку никто не брал. Он надел белый халат и отправился в смотровую.

На кресле в полулежачем положении находилась молодая женщина с огромным животом, который уже сильно опустился.

Он подозвал санитарку.

— Артур не поднимается, Виктор не берет трубку, надо вызывать на подмогу кого-то из соседнего отделения.

— Ты что? Нам всем тогда крышка. Доктора Рыбакова могут уволить. Я боюсь даже подумать об этом. Придется нам с тобой роды принимать. Это не тяжелый случай. Сама родит, постоишь рядом да покомандуешь, когда ей тужиться, когда дышать.

— Я не знаю. Я только у кошки как-то роды принимал. А как рожают женщины даже не видел.

— Не ссы, парень. Ты же сын своего отца. Все получится. Я тебе, если что, подскажу. Мне нельзя, она уже видела меня раньше, что я убираю в палатах, будет подозрительно, если я буду выдавать себя за врача. А ты вполне подойдешь. Тебе, кстати, очень идет белый халат!

Женщина на кресле тихо постанывала.

— Надень перчатки и посмотри на сколько пальцев у нее раскрытие.

Петр начала лихорадочно вспоминать картинки из учебников по гинекологии, которые он просматривал, пока сидел в ординаторской. Когда он подошел к женщине и засунул ей во влагалище пальцы, то думал, что упадет в обморок от всего происходящего. «Тихо, Петр, соберись, — шептал он себе под нос. — У тебя все получится, сконцентрируйся. Вспомни, чему учил тебя Виктор, вспомни шаманское колесо. Попроси у сектора Весны помочь тебе», — звучал его внутренний голос.

— Четыре пальца. Вы скоро родите, — сказал он женщине, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы та не увидела, что ему страшнее, чем ей.

В этот момент на Петра что-то брызнуло, как из фонтана. Вода. Воды! Петр стоял в мокром халате.

— Вы похожи на Ниагарский водопад, — пытался пошутить Петр. — А мне, похоже, надо переодеться.

— Так, клизму уже не успеем сделать. Надеюсь, ты не ужинала, — сказала санитарка. — Быстро в родовую.

— Зачем? — спросила женщина.

— Как зачем? Рожать! Ты ж не в санаторий приехала. — ответила санитарка.

— Ну я как-то не готова, и вообще это как-то все быстро, может, все обойдется.

— Не обойдется, дите назад не залезет! Давай без разговоров, иди в родовую.

— Вам помочь? — спросил Петр, подавая ей руку, чтобы она слезла с кресла.

— Сама дойду, — героически ответила женщина и поко-
выляла, как утка, в родовую.

А Петр пошел переодеваться в ординаторскую. «Хотя бы халат заменить», — подумал он.

Когда он зашел в ординаторскую, Артур по-прежнему спал. Он увидел, что на телефон ему кто-то звонил. Андрей. Петр взял трубку.

— Привет! Слушай, не могу говорить, перезвоню. Ты куда пропал?

— Надо встретиться, я хочу попрощаться. — услышал он знакомый голос друга.

— Да, завтра обязательно встретимся. Во сколько?

— Петр, я уже через пару часов уезжаю. Надо встретиться прямо сейчас. А что ты сейчас делаешь?

— Эээ, — протянул Петр, — роды принимаю.

В трубке молчание. А потом Андрей спросил:

— И как успехи?

— Ну, у меня такое ощущение, что женщина согласилась на добровольный фистинг и потом мощно фонтанировала на меня околоплодными водами.

— А где ты? — спросил Андрей.

— В ЦГБ.

— Я сейчас приеду. — и отключился.

А Петр услышал, как в родовой раздавались не то стоны, не то крики, и увещевания санитарки.

— Потерпи, дыши, вот так. Сейчас доктор придет.

Родовая, куда вошел Петр, хорошо освещалась искусственным белым светом. Комната была очень большой, квадратов на 70. Также там стояли два родильных стола, Петр теперь знал, что такой стол назывался «кроватью Рахманова». По внешнему виду это было обычное гинекологическое кресло, только размером побольше. В случае необходимости стол мог легко трансформироваться в кровать, так, чтобы после родов женщина могла вытянуть (не протянуть) ноги. У этого нехитрого приспособления были спе-

циальные ручки, похожие на вожжи. Около каждого родильного стола стояли лампы бокового освещения. Перед одним из окон, которые сейчас были открыты, так как летняя жара не отпускает даже ночью, особенно перед грозой, а кондиционеры в родильных под запретом, стоял письменный стол.

Также тут был шкаф с медикаментами и хирургическими инструментами. Рядом с ним уютился передвижной стол акушерки на колесах, на котором в стерильных лотках были разложены инструменты, медикаменты и растворы для принятия родов. Около стены — пеленальный столик особой конструкции и вешалка для подушек с кислородом, а также кушетка, на которой роженицы дожидались момента, пока «головка не покажется».

Петру было неловко в этом месте, и он задал вопрос рожавшей женщине:

— Что вы чувствуете?

— Доктор, а вы точно гинеколог, а не психотерапевт? — попыталась пошутить женщина. — Что я чувствую? Мне п**дец как больно. У меня это в первый раз.

— У меня тоже, — сказал Петр.

Роженица подозрительно смотрит на него, потом начинает выгибаться, кричать, скулить. С нее градом течет пот, ее трясет.

«Хоть экзорцистов вызывай», — подумал Петр.

— Обезбольте меня! Есть же у вас что-нибудь!

Санитарка принесла какие-то таблетки, дала девушке. Та на какое-то время успокоилась.

— Что вы ей дали? — спрашивает Петр.

— Плацебо. Помогает в родах хорошо.

Петр гладит девушку по руке, смотрит ей в глаза, улыбается, говорит, что все будет хорошо. А про себя молится, чтобы это было действительно так.

— У вас руки такие теплые, доктор, и глаза волшебные. Скажите, я же не умру, правда?

— Правда. Не умрете. Вернее умрете... когда-нибудь, но не сейчас, а через много лет, когда будете уже старой. Вижу вас с палочкой, сидящей на лавочке.

Женщина засмеялась.

— Это вы мне так зубы заговариваете?

И опять застонала, но уже тише. Через несколько минут она испуганно посмотрела на Петра.

— Кажется, лезет!

Петр взял ее за руку, и довел до родильного кресла. Помог взобраться на него.

— Кто их только придумал, эти родильные кресла? Это ж неудобно! Женщине, у которой между ног головка ребенка телепается, забираться на такое высокое сооружение! — с возмущением прокомментировал Петр.

Санитарка посмотрела на него, как на идиота:

— Доктор, щас тужиться будем!

Петр почувствовал, как холодок побежал у него по спине. И обратился к роженице:

— Кричать громко собираетесь?

— Не будет она кричать. Тужиться не больно, после схваток это как на прогулку сходить, тут уже главное — следить, чтобы младенец хорошо вышел! — сказала санитарка.

Женщина напряглась и начала тужиться. Петр командовал ее движениями, сам удивляясь себе.

— А теперь еще раз! Давай, молодец, как у тебя хорошо получается! Еще! Умница!

— Я не могу, он застрял! — простонала роженица.

— Да не говори глупостей, — сказала санитарка, — он хорошо идет. Все, как надо. Голова пролезла — все пролезет! Просто нужно еще поднапрячься. Давай, сосредоточься. Ну!

В открытое из-за жары окно начал кто-то лезть.

— Что это за новости! — с удивлением в голосе произнесла санитарка. — Папаша что ли?

И навалилась на роженицу.

— Давай, тужься.

Петр обернулся. В окно лез Андрей.

Женщина заорала, а потом закричал младенец! Санитарка подхватила его, скомандовала:

— Пеленку дай, там на столе. Хороший пацан, крупный вышел!

Петр подал ей пеленку. Она завернула младенца. Вручила Петру в руки специальные хирургические ножницы:

— Режь.

— Где? — спросил Петр.

Она передала младенца Андрею, который уже стоял рядом. Сжала пуповину специальным жгутом.

— Вот тут, чуть ниже этого жгута.

Петр обрезал. И почувствовал, как волны счастья и облегчения прокатились по всему его телу. Как будто он сам родил.

— Пойдем, папаша, ребенка обмыть надо. — сказала санитарка, обращаясь к Андрею.

Андрей пошел за ней.

— Я вообще-то не папаша.

— Меня ваши половые трудности не волнуют, — бросила она с легким тоном укора, — дите помыть надо.

Когда акушерка принесла малыша и приложила его к груди матери, Петру показалось, что ребенок улыбнулся ему. Он посмотрел новоиспеченному человеку в глаза, в бездну смыслов, которые пока не растеряны, и сказал:

— Этот ребенок будет очень удачлив.

Положил ему руку на головку и почувствовал, как через него проходят токи жизни. Ребенок издал довольный звук и продолжил сосать грудь.

— Пойдем покурим, — сказал Андрей, стоящий за спиной Петра.

— А ты что курить начал?

— Да, с такой жизнью не только курить начнешь.

Андрей курил, Петр смотрел на огонек тлеющей сигареты.

— Куда ты пропал? — спросил Петр друга.

— Хотел побыть один на один с собой, понять, что я и куда мне дальше.

— Понял?

— Кажется, да. Я уезжаю сегодня.

— Куда?

— На войну. Похоже, это единственное место, которое мне сейчас подходит.

— Ты серьезно?

— Вполне. Передай Эллочке, что если я вернусь, мы обязательно начнем новую жизнь. И вот это ей еще передай.

Андрей протянул Петру небольшую коробочку из обычной картонной бумаги, которая раньше была красного цвета, но теперь вся истрепалась и выцвела.

— Это все, что осталось от моей матери, единственное, что я успел спрятать. Остальное отец выбросил, когда она утонула. — продолжил Андрей.

Петр с интересом посмотрел на коробочку.

— Там кольцо моей мамы. Она его получила от своей мамы, а та от своей, словом, семейная реликвия.

Андрей вглядывался в темноту.

— Ты хоть за кого воевать пойдешь? — спросил Петр.

— За любовь. Мне пора.

Андрей обнял друга и ушел. Он шел по тропинке, которая вела к калитке, выходящей на задний двор. Неуклюжим движением он задел самострел, выставленный его отцом, но ничего не почувствовал, просто пошел дальше. А 6 человек умерли, каждый по-своему, в разных местах. В одного попала пуля, другой подорвался на мине, у третьей оторвался тромб, четвертую сбил пьяный водитель, пятый неудачно упал, ударившись виском об угол металлического стола, шестой повесился.

Петр смотрел уходящему другу вслед, пока тот не слился с темнотой.